

Царь и патриарх в поздней Византии (осень византийской «симфонии»)

«Давно умершие народы, исчезнувшие с лица земли цивилизации, после которых остались лишь развалины и обломки, - все они в свое время и по-своему приобщались к абсолютному идеалу: в подвигах веры и любви, в великих деяниях нравственной солидарности, в высоких порывах творчества, они проявляли тот же абсолютный и вечный нравственный дух, который проходит через всю бесконечность истории. И когда они возвышались до сознания нравственных начал, они верили, что правда вечна и что сила ее простирается за пределы человеческой жизни»

П.Н. Новгородцев

I. Византийская «симфония» царства и священства

История Византии демонстрирует множество блистательных идей, рожденных гением этой великой Империи и надолго переживших ее. В том числе, идею знаменитой византийской «симфонии», впервые системно и ясно сформулированную в целом ряде публичных документов императором св. Юстинианом Великим (527-565) и обогащенную практическим содержанием при его преемниках.

Суть ее заключается в том, что с точки зрения «симфонического» сознания земная Церковь, как предвестник Царствия Небесного, объемлет собой весь социальный мир, сотворенный Христом, целиком и полностью без какого-либо изъятия. Потому она и является *Кафолической*, т.е. Вселенской по своей природе, даже если эмпирически первоначально состояла всего из нескольких малых общин, возглавляемых Апостолами. Она всегда пребывает в Духе Святом и с Духом, не ограничена пространством и временем и объемлет верующих во всем мире¹.

Но ей необходима внешняя объединяющая сила, которой единственно выступает политическое общество. Причем не всякое, а именно Империя, как *вселенское государство*, форму которого и принимает Церковь. В противном случае она будет Кафолической лишь в потенции, но не в качестве материального факта. Историческая задача объединения человечества была поручена Богом Римскому императору. И в этом отношении православный царь исполняет на земле служение Иисуса Христа. Священство же сакрально осуществляет то, что содержит в себе православная вера.

¹Троицкий С.В. Единство Церкви. М., 2016. С.371.

Таким образом, две различные иерархии руководят народом Божиим. Первая ответственна за внешний порядок, вторая - за чистоту сакрального бытия. В практической деятельности они, безусловно, пересекаются и нередко дублируют друг друга, поскольку задачи Церкви в значительной степени становятся задачами государства, а политические проблемы напрямую влияют на благосостояние Церкви. В идеале общество верующих и общество политическое совпадают по главным критериям: границам, лицам и властям, которыми управляются. Таким образом, земная Церковь и государство могут *нормально* существовать лишь во взаимном дополнении друг друга.

Именно этот аспект и являлся самым важным для св. Юстиниана Великого: во Христе Церковь и Империя не просто примиряются между собой, несмотря на прошлые гонения языческой власти и само различие их природ. Они могут существовать сообразно своему предопределению, если только являют *одно целое*. Целое, которое разнится во внешних проявлениях, но практически неразличимо по внутренним установлениям. Патриарх здесь выступает в качестве хранителя совести Церкви, а император - главы Вселенной, живого представителя Бога на земле; не случайно, он официально именовался «викарием Христа»². И если оба вида власти, единых по Источнику, должным образом исполняют свое предназначение, то между ними образуется гармония или «*симфония*», полагал святой император.

Гармоничное единство государства и Церкви, царства и священноначалия не является, конечно, статичным явлением. В разные периоды «симфония» принимала различные очертания, порой меняясь во внешних своих проявлениях весьма существенно. Кроме того, каждая эпоха ставила перед византийской «симфонией» свои задачи, словно время проверяло ее на внутреннюю прочность. Нередко объективные и субъективные причины порождали тяжелейшие кризисы – религиозные, политические, военные, приводящие «симфонию» на грань гибели, и каждый раз она выходила победителем в этой смертельной схватке.

Так, первый титанический по силе удар был нанесен «симфонии» еще в 800 г., когда Римский папа *Лев III* (795-816) признал легитимность альтернативного от Константинополя центра политической власти – франкских Каролингов, главу которых покрыл императорской короной. *Карл Великий* (768-814) еще боролся с расколом христианского мира на два государства, он не осмелился назвать себя императором, а именовался лишь «управляющим Западной империей» (*Imperium Romanum gubernans*). Но уже его сыновья требовали от Константинополя признать их государство равным Византии, и, разумеется, самостоятельным. Раскол Империи перманентно и неизбежно привел к позднему расколу Кафолической Церкви. Возникли две Империи и две Церкви. Так впервые после «симфонического» соединения во времена *святого равноапостольного Константина Великого*

²*Рансимен Стивен*. Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб., 2006. С.23.

(306-337) Империя и Церковь разделились. Однако силой внутреннего борения Византия сумела тогда с честью выйти из смертельного пике – обновленной и еще более могущественной.

Второй удар был нанесен IV Крестовым походом, когда после взятия Константинополя латинянами 13 апреля 1204 г. *исчезло государство*, пал Великий Город, символ и средоточие Империи, «общее святилище и центр для всего мира»³. Некогда единая и централизованная политическая власть дисперсировалась, растворилась в малых и больших образованиях, возникших на руинах Византии: Латинской, Никейской и Трапезундской империях, Эпирском царстве, Афинском герцогстве, Фессалоникийском королевстве, Ахайском княжестве, Иконийском султанате.

Казалось, возврат Константинополя в июле 1261 г. и восстановление Византии на основе Никейской империи ознаменовали возврат к старым «симфоническим» временам, когда весь мир с невольным восхищением обращал свой взор в сторону Константинополя, вечного центра Вселенной. Но тут последовал третий удар, нанесенный уже не извне, а *изнутри*.

После реставрации Римского государства многочисленные территории, ранее принадлежавшие ему, оказались вне сферы политической власти Византийского царя, однако оставались в лоне Восточной церкви. Как показывают официальные списки 1437 г., более 3/4 митрополий находилось на территории турок⁴. Хотя христиане покоренных мусульманами областей вышли из-под власти Римского императора, предстоятели восточных кафедр и их паства по-прежнему были включены в сферу церковного управления, во главе которого располагался Константинопольский патриарх. Они не являлись *уже* подданными Римского царя, но, как христиане, оставались под юрисдикцией «Вселенского патриарха». Резкое уменьшение территории Римской империи, утрата Палестины, Малой Азии, Греции, Фракии, почти всех остальных европейских территорий и Египта беспощадно подорвали былое могущество политической власти. Зато резко расширили компетенцию столичного архиерея.

Как следствие, вопросы войны и мира, условия мирных соглашений с турками, мамелюками и государями Запада – иными словами, все, что традиционно касается сферы внешней и внутренней политики – все это теперь стало непосредственно относиться не только к царю, но и к патриарху. В Восточной же Европе, где христианское население не желало признавать примат Римского папы, но отвергало и власть Византийского императора (у них были свои, национальные правители и собственные государства), Константинопольские патриархи вели практически *самостоятельную* политику, все более независимую от царского двора и правительства, а иногда даже и *противоположную* ей. «Симфония» и раньше допускала дублирование полномочий и даже конкуренцию лиц на одном и

³Григора Никифор. История ромеев. В 2 т. Т.2. СПб., 2015. Книга 13, глава 11. С.88.

⁴Рансимен Стивен. Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С.52.

том же властном поприще. И в те минуты, как правило, очень многое решали личность конкретного царя или патриарха и состояние государства. Сейчас же это явление из прецедентного стало характерным знаком времени, неписанным правилом. Со всеми вытекающими, конечно же, последствиями.

Изменение внешнего положения Империи не могло не сказаться на состоянии правосознания современников той эпохи. Теряя одну провинцию за другой, Византия все более и более становилась *национальным* государством, утрачивая былой имперский дух. Термин «эллин», вчера еще являвшийся синонимом язычника, теперь получил широкое распространение среди политической элиты Римского государства. Произведения античных философов нашли многочисленную аудиторию среди византийской знати, а уничижительный термин «Греческий император», которым латиняне в пику византийцам наделили их василевса, теперь стал повествовательным фактом жизни. Спасения от внешних врагов искали теперь не в единстве Кафолической Церкви и не в имперском универсализме, а в возвращении к своим национальным истокам. «Мы эллины по культуре и по нации», - писал главный идеолог эллинизма Георгий Плифон императору *св. Мануилу II Палеологу* (1391-1408). Плифон настолько увлекся древней культурой, что откровенно считал христианство *ложным путем*, ведущим Византию к гибели. И его идеи нашли отклик в аристократических кругах⁵.

Сохранить имперский дух в таких условиях могла (и должна была) Восточная церковь. Но среди Константинопольских иерархов уже во времена патриарха *св. Фотия* (856-867; 877-886) торжествовали националистические настроения. Теперь же Православие стало олицетворяться с национальной идеей, отождествилось с эллинизмом и им же ограничилось. Столичный архиерей по-прежнему именовал себя «Вселенским патриархом», но в действительности его интересовал только Восток, что вполне объяснимо. Запад изначально находился под духовным омофором Римского епископа, и конкурировать с ним глава Восточной церкви при всем желании не мог. Его единственным насущней проблемой являлась защита собственных прерогатив, как они сформировались постепенно вследствие наделения его императором дополнительными полномочиями, от Римского папы и... от самого царя, которому еще вчера он был так послушен.

Пожалуй, единственным лицом, являвшимся символом уходящей имперской эпохи, являлся сам Византийский самодержец. Однако его возможности стали куда более скромными по сравнению с прошлыми эпохами. Конечно, как всегда, император был тем столпом, на котором держалась Византия. О Римском царе говорили: «Второй после Бога», «самая надежная твердыня ромеев», «мировой столп», «светлое и славное солнце»⁶. Он - «око городов», «глава и слава Вселенной», «великий светильник

⁵Там же. С.132-135.

⁶*Акрополит Георгий*. Эпитафия прославленному императору Иоанну Дуке//Акрополит Георгий. История. СПб., 2005. С.142.

царства», «основание государственного благоустройства», «честь и слава священства, блистательный светильник Церкви», «правило благочестия, доброй нравственности и краса людей»⁷. Царь именовался не иначе, как: «Царь святой, богонаставляемый самодержец и во всем христожеланный и христоролюбивейший»⁸.

Но, откровенно говоря, его сил уже не хватало, чтобы по примеру своих предшественников являть собой ту всемогущую субстанцию, «руку Бога», которая созидала и охраняла Кафолическую Церковь. Отдельные василевсы – Феодор I и Феодор II Ласкарисы, св. Иоанн Дука Ватац, Михаила VIII Палеолог, Андроник III Младший, Иоанн VI Кантакузен и некоторые другие еще пытались удержать государственный корабль на плаву. Но это были всего лишь частичные успехи, способные только отстрочить неизбежную катастрофу, которую ожидали и в которую никому не верилось.

Последние 200 лет существования некогда величественной Римской империи пришлось на годы правления императоров *Феодора I* (1204-1222) и *Феодора II Ласкарисов* (1254-1258), *св. Иоанна III Дуки Ватаца* (1222-1254), *Иоанна IV* (1258-1261), *Михаила VIII Палеолога* (1261-1282), *Андроника II* (1282-1328), *Михаила IX* (1295-1320), *Андроника III* (1328-1341), *Иоанна V* (1341-1391), *Иоанна VI Кантакузена* (1347-1354), *Андроника IV* (1376-1379), *Иоанна VII* (1390), *святого Мануила II* (1391-1425), *Иоанна VIII* (1425-1448), *святого Константина XI* (1448-1453). А также их властных визави, патриархов: *Михаила Авториана* (1206-1212), *Феодора Ирника Кона* (1212-1215), *Максима II* (1215), *Мануила I Сарантина Харитопула* (1215-1222), *Германа II* (1222-1240), *Мефодия* (1240), *Мануила II* (1244-1255), *Арсения Авториана* (1255 - 1260; 1261-1267), *Никифора II* (1260 - 1261), *Германа III* (1267), *Иосифа I* (1267 - 1275; 1282-1283), *Иоанна XI Векка* (1275 - 1282), *Григория II (Георгия) Кипрского* (1283 - 1289), *Афанасия I* (1289 - 1293; 1304-1310), *Иоанна XII (Козьмы)* (1294 - 1304), *Нифонта I* (1311 - 1315), *Иоанна XIII Гликоса* (1316 - 1320), *Герасима I* (1320 - 1321), *Исаии* (1323 - 1334), *Иоанна XIV Калеки* (1334 - 1347), *Исидора I* (1347 - 1349), *Каллиста I* (1350 - 1354; 1355-1363), *Филофея Коккина* (1354 - 1355; 1364-1376), *Макария* (1376 - 1379; 1390-1391), *Нила* (1380 - 1388), *Антония IV* (1389 - 1390; 1391-1397), *Каллиста II Ксанфопула* (1397), *Матфея* (1397 - 1410), *Евфимия II* (1410 - 1416), *Иосифа II* (1416 - 1439), *Митрофана II* (1440 - 1443), *Григория III Маммаса* (1443 - 1453), *Афанасия II* (1450).

Все они являлись живыми и конкретными людьми со своими достоинствами и недостатками, а также особенностями личностного восприятия мира и своей роли в нем. Помимо этого на них влияли некоторые разрушительные тенденции, которые в другое время мирно тлели под царским орлом. И, как обычно, личные человеческие качества, положенные

⁷*Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Рязань, 2004. Книга 10, глава 1. С.327, 328.

⁸*Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. М., 2009. С. 93.

на объективные факторы, формировали собственную историческую картину заходящего за горизонт византийского мира. Изучение ее и составляет, собственно говоря, задачу настоящей работы.

II. Патриархи

Начнем с архипастырей Константинополя и их статуса – формального и неформального. На первый взгляд, здесь ничего не изменилось по сравнению с прошлыми временами. Как и раньше, назначение нового предстоятеля столичной кафедры непосредственно зависело от императора. Процедура, при которой епископат избирал конкретное лицо из перечня трех предварительно отобранных кандидатов и представлял на утверждение царя, носила откровенно номинальный характер. Обычно будущий патриарх *заранее* определялся императором (хотя и нередко с учетом мнения многих авторитетных лиц), и последующие публичные действия носили характер театрализованной проформы, которую византийцы так любили.

Освобождение патриарха от кафедры также происходило обыкновенно по инициативе царя – Собор епископов лишь облакал эту волю в привычную форму, почти никогда не являясь инициатором этого решения (Арсений Авториан, Иоанн XI Векк, Иосиф I, Афанасий I, Нифонт). Кажется, единственный прецедент был создан в 1443 г., когда Иерусалимский собор низложил Константинопольского патриарха Митрофана. В редких случаях патриархи добровольно освобождали престол по тем или иным причинам. Как правило, в случае несогласия с политикой василевса, иногда – по личным мотивам (Иоанн XIII Гликос, Афанасий I во втором патриаршестве).

В соответствии с древними традициями круг лиц, из которых отбирался новый патриарх, потенциально не был ограничен. Патриархами становились и бывшие клирики (диаконы, сакелларии, пресвитеры, хартофилаксы), и правящие провинциальные архиереи, и рядовые монахи. Несмотря на то, что Западная церковь категорически не принимала особенностей восточной практики, невзирая на то, что еще на VII Вселенском Соборе (787 г.) и на Соборе в Храме Святой Софии 879-880 гг. высказывалась мысль о нежелательности поставления мирян в патриархи, это и сейчас происходило не раз. Так, Феодор II Иреник Копа начинал карьеру скромным чиновником. Св. Георгий Кипрский, поставленный в 1384 г. на столичную кафедру, являлся мирянином, скоротечно прошедшим все степени посвящения после того, как выбор царя остановился на нем. Еще одним прецедентом стало патриаршество Иоанна XIII Гликоса, восшедшего на кафедру также из царских чиновников.

Но вместе с тем налицо были и существенные изменения. Ушли в прошлое те дни, когда столичный клир возглавляли выходцы из аристократических семей. Очень часто патриархами теперь становились монахи из простых людей. Особенно полюбил монашествующих XIV век, чему есть простое объяснение – зилоты (самая категоричная партия ревнителей церковной «свободы») играли все более активную роль в

Восточной церкви. С их требованиями и мнением приходилось считаться и царям, а потому часто ставленники зилотов имели неписаное преимущество при определении кандидатуры будущего патриарха. Нельзя также не учитывать того обстоятельства, что именно монахи сыграли решающую роль в исихастских спорах, а потому воспитанники монастырей Святой горы Афон были желанными гостями в Константинополе. Лишь изредка эта тенденция нарушалась, и на патриарший престол восходили выходцы аристократических и даже царских родов (Иосиф II, Григорий III Маммас).

Указанные обстоятельства не могли не сказаться на личностных характеристиках архипастырей столицы. Многие патриархи отличались аскетическими подвигами – сказывалось монашеское прошлое. Но среди «Вселенских архиереев» умирающей Византии мы не часто встретим титанов мысли, которыми ранее по праву могла гордиться Константинопольская кафедра. Большинство из них трудно назвать богословами, да и уровень их образования, как правило, оставлял желать лучшего.

Михаил IV Авториан, Феодор II Ириник Копа (бывший ипат философ), св. Герман II, Никифор II Памфил, Герман III, Иоанн XI Векк, св. Каллист I, св. Георгий Кипрский, Филофей Коккин, Нил, Матфей I, Григорий Маммас являлись, без всякого сомнения, учеными и богословами (некоторые из них весьма крупными). Но это были скорее интеллектуальные исключения из общего правила.

А типичным примером обратного свойства являлся Герасим – старый, необразованный и совершенно апатичный к событиям жизни⁹. Не отличался от него в лучшую сторону и другой патриарх – Иоанн XIV Калека, волей судеб имевший непосредственное отношение к знаменитым исихастским спорам. Хотя св. Григорий Палама дважды держал диспут со своими противниками (Варлаам и Акиндин) при его патриаршестве, роль архиерея в ходе соборного обсуждения сводилась к сугубо *организационным* вопросам. Судя по поступкам Калеки, сам предмет богословского спора был ему если и не совсем индифферентен, то, по крайней мере, малопонятен. А потому использовался им главным образом в политических целях. Первоначально Иоанн XIV поддержал Паламу – сказалась поддержка святителю со стороны монахов Святой горы Афон. Но позднее, когда Акиндин обвинил бывшего друга в ереси, Калека немедленно принял сторону обвинения, но не в силу богословских убеждений, а исключительно из конъюнктурных соображений. Он посчитал, что, растоптав авторитет св. Григория Паламы, сможет тем самым подорвать влияние претендента на царский трон, своего заклятого врага Иоанна VI Кантакузена. В итоге, запутавшись в собственных интригах, патриарх сам был анафематствован и низвергнут из сана.

Первую скрипку при обсуждении богословских вопросов с латинянами, в том числе и на Ферраро-Флорентийском соборе, играли уже не патриархи, а иные лица: св. Марк Эфесский, Никейский митрополит Виссарион, Георгий

⁹Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 8, глава 2. С.213.

Схолларий, епископ Дионисий Сардийский, Исидор, митрополит Московский. Более того, униатские споры XIII-XV вв. со всей очевидностью демонстрируют нам ретроградное упрямство столичных архипастырей, нашедших для себя абсолютную истину в старых формулировках и затвердивших их. Либо, как альтернативу, открытое нежелание касаться обсуждаемых вопросов, чего, как раз, от них требовали интересы Церкви и император. Это выглядело тем более щекотливо в случаях, когда предшественники новых патриархов освобождались по прямому приказу царя, и их преемники должны были отдавать себе отчет в том, на каких условиях василевс предлагал им патриаршество¹⁰.

Как нередко бывает, отсутствие образования компенсировалось непомерным властолюбием. Этому способствовали события, происходившие на Востоке и приведшие к утрате великими кафедрами Александрии, Антиохии и Иерусалима своего бывшего влияния. Хотя в целом арабы и турки придерживались на завоеванных территориях принципа религиозной толерантности, бывшие византийские провинции все же постепенно исламизировались. Как следствие, резко снизилась численность православного населения этих провинций. В таких условиях значение Константинопольской кафедры в Восточной церкви еще более возросло, что зачастую привело к появлению в среде «Вселенских» архипастырей лиц ярко выраженным высокомерием и заметной нравственной деградацией. Так, по словам современников, Иоанн XIV Калека только посохом и священническими одеждами походил на архиерея. Надменный и властный, недалекий, необразованный и смертельно опасный для каждого, ставшего на его пути, он был далеко не лучшим из череды Константинопольских патриархов¹¹.

К сожалению, не только Иоанн XIV Калека демонстрировал качества, недостойные служителя Церкви. Максим II слыл большим любителем женщин. И, как утверждали, именно протекцией дам из царского гинекея он был обязан своему краткому патриаршеству. Другой печальный образчик являл собой Нифонт. Не щеголяя образованием (он едва умел писать и читать), патриарх также не был чужд обществу молоденьких женщин и любил устраивать в монастырях пирушки. Патриаршество Нифонта было недолгим – в 1315 г. император Андроник II освободил его от кафедры за святотатство и корыстолюбие¹².

Для полноты картины заметим, что когда Андроник III сверг деда и захватил власть, Нифонт настоятельно советовал тому отправить Андроника II в тюрьму или ссылку. Его горячее желание, едва ли достойное христианина, разделял другой патриарх - Исаия, упоенный низложением

¹⁰ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах//Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Патриарх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004. Книга 5, главы 14, 15. С.238, 239.

¹¹ *Григора Никифор*. История ромеев. Т.2. Книга 12, глава 10. С.30, 31.

¹² *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 7, глава 9. С.193-195.

престарелого царя, с которым у него также неоднократно возникали конфликтные ситуации. Узнав о падении врага, он радостно восклицал, цитируя 57 Псалом: «Возвеселится праведник, когда увидит отмщение», подразумевая под праведником себя, а под отмщением, конечно, унижение старика василевса¹³.

Личность этого архипастыря Константинополя не лишена интереса, хотя и мрачного. В свое время, желая примириться с зилотами, император Андроник II возвел его, рядового монаха Святой горы Афон, не обремененного интеллектом, на патриаршую кафедру. Увы, вскоре выяснилось, что его нравственные качества не являли собой высокие примеры, и многие клирики открыто обвиняли Исаию в дурных поступках. И не без причины. Так, совершенно не заботясь о состоянии епархий, патриарх в 1324 г. провел через Синод постановление об обложении всех церковных округов денежным взносом на нужды Константинопольской церкви. Жесткий и непримиримый, он был беспощаден к врагам и донельзя злопамятен¹⁴.

Другую скандальную фигуру являл Афанасий I в годы своего первого патриаршества. Монах, с детства подвизавшийся в горах Гана, он спал на голой земле, не умывался и являл прекрасный пример аскета. Первое время всем казалось, что выбор царя удачен: ревнитель монашеской дисциплины, патриарх быстро очистил улицы Константинополя от праздно шатающихся иноков. Однако как человек, лишенный образования и даже стремления к нему, Афанасий I совершенно прекратил подготовку богословов, сочтя их просветительскую деятельность среди паствы излишней. Именно при нем была закрыта богословская школа, организованная патриархом Германом III и пользовавшаяся большим успехом у византийцев. Привыкнув во всем доверять только себе, он не одобрял коллегиальных обсуждений церковных дел и в итоге совершенно перестал созывать Синод, на который ранее приезжали многие епископы с мест, чтобы обсудить те или иные проблемные вопросы¹⁵.

Суровость столичного архипастыря настолько угнетала клир, что многие епископы, священники и монахи засыпали царя жалобами на него. Тогда Афанасий I потребовал от василевса отряд солдат для защиты собственной персоны, но его требование не было удовлетворено. В ответ патриарх решил оставить престол, совершив перед этим наиглупейший поступок. Он написал анафему на всю царскую семью, архиереев, священников, высшее сословие и вообще на весь народ за то, что те не помогли ему удержаться у власти. Потом, не сказав никому ни слова, вложил эту бумагу в морскую раковину, а ее саму спрятал в расщелине храма Святой

¹³Там же. Т.1. Книга 9, главы 6, 7. С.299-303.

¹⁴*Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С.204, 205.

¹⁵*Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 6, глава 5. С.144, 145.

Софии. Иными словами, получилось, что патриарх *проклял* (!) всех христиан Византийской империи, но тайно.

Находка обнаружилась довольно скоро и совершенно случайно. Один мальчик во время игры заметил необычную раковину и передал ее клирикам храма, а те – василевсу. Пораженный царь немедленно вызвал к себе патриарха и потребовал объяснений, но тот только каялся, а заодно прощал своих обидчиков. Так закончилось его первое патриаршество. К слову сказать, и второе патриаршество Афанасия I не было лишено скандального оттенка.

Едва ли Иоанн XII Созопольский мог составить ему альтернативу. При Михаиле VIII он, тогда еще рядовой монах, категорически не принял Лионской унии и был сослан на Принцевы острова. По рекомендациям зилотов Андроник II вызвал его из ссылки и, пораженный благочестием аскета, поставил игуменом одного из столичных монастырей. Позднее василевс сделал Иоанна своим духовником, а затем – Константинопольским патриархом.

Однако сразу же после интронизации патриарх установил льготы для зилотов, а полномочия епископата резко ограничил. Не ожидавшие такого хода восточные архипастыри вышли с представлением к царю. По их словам, и это подтверждалось многими фактами, при любой обиде некогда кроткий монах бросал все дела и уединялся в монастыре. Он совершенно отстранил епископов от церковного управления, решая все вопросы в одиночку или при помощи советников из числа зилотов. Попутно выяснилось, что Иоанн не был чужд некоторым человеческим слабостям. В частности, патриарх поставил своего сына Ефрема на должность великого эконома Церкви – одну из главнейших в церковном управлении.

Император пытался сгладить конфликт, но вскоре сам стал объектом атак со стороны своего же бывшего духовника. Когда Андроник II Палеолог, опасавшийся попыток захвата царской власти третьими лицами, попросил Константинопольского патриарха издать синодальное постановление об анафематствовании всякого заговорщика против него и сына Михаила IX, то получил отказ. Иоанн ответил, что данная просьба не сообразна с канонами. Конечно, это была либо откровенная ложь, либо результат отсутствия образования у архиерея - такая практика издавна и постоянно существовала в Восточной церкви¹⁶.

Каллист, дважды занимавший патриаршую кафедру, являлся ревностным паламитом, желавшим обеспечить победу своей партии любыми средствами. Дошло, однако, до того, что не только противники исихастов, но даже лица, занимавшие нейтральную позицию, подвергались патриаршим гонениям. Суровый и строгий, лишенный какого-либо образования, он стал бичом для всех неугодных ему лиц, нередко патриаршим посохом избивая тех. Поссорившись со своим прежним благодетелем Иоанном VI

¹⁶ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. С.191-194.

Кантакузеном, он вынужденно оставил кафедру, но потом, после падения этого императора, был вновь возвращен на нее царем Иоанном V¹⁷.

Но даже на этом фоне противоборство Михаила VIII Палеолога с Арсением Авторианом и некоторыми его преемниками выглядело совершенно беспрецедентным для Византии. Объективно говоря, патриарх был прав, когда обвинил царя в клятвопреступлении и ослеплении законного наследника престола Иоанна IV. И малое церковное отлучение, которому он подверг василевса в 1262 г., еще не выходило за рамки хотя и чрезвычайно редкой, но все же существовавшей в Империи практики духовного трезвления согрешивших императоров. Однако то маниакальное упорство, с каким патриарх в течение нескольких лет не допускал царя к причастию Святых Даров, не поминал его имени на Литургии и вообще публично запретил посещать храм Святой Софии, едва ли может быть оправдано.

Лишь год назад византийцы вернули себе свою древнюю столицу, только-только начался процесс восстановления Империи, осложненный как внешними угрозами, так и внутренними нестроениями. Для Михаила VIII Палеолога и всего государства это была, безусловно, критическая ситуация: правоспособность царя все еще оставалась дискуссионной в глазах высшей политической элиты Византии, не говоря уже о Западе. После же демаршей патриарха василевс оказался буквально на краю политической гибели. Находясь, хотя бы и временно вне Церкви, царь в глазах всех подданных лишался оснований своей власти, переставал быть императором. А без крепкой царской власти возрождающаяся Империя была обречена на гибель.

Но, казалось, для патриарха это обстоятельство имело второстепенное значение. Безумное упорство Авториана смутило даже многих епископов, скоротечно перешедших в лагерь гонимого Арсением императора. Зато вызвало бурю восторга среди зилотов, вообще подозрительно взиравших в сторону царского дворца и желавших искоренить древние традиции участия царя в делах церковного управления¹⁸.

Долго терпел василевс противодействие Авториана. И лишь по прошествии 3-х лет тайно инициировал в свой адрес жалобы епископов на Арсения (поводов нашлось предостаточно), дав им ход. В 1266 г. по его распоряжению открылся Собор, на котором рассмотрели дело патриарха. Арсения лишили кафедры и отправили в монастырскую обитель. Новым Константинопольским патриархом по приказу императора избрали его давнего сторонника и друга Германа III, епископа Андрианопольского¹⁹.

Однако это патриаршество длилось недолго: опасаясь недовольства со стороны зилотов, новый духовный глава Византии не спешил снимать епитимию с Михаила VIII. Император требовал объяснений, но Герман III уклонялся от них. Истина вскоре открылась – в глазах архиерея Палеолог

¹⁷Григора Никифор. История ромеев. Т.2. Книга 18, глава 1. С.252.

¹⁸Рансимен Стивен. Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С.82.

¹⁹Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 4, глава 4. С.88, 89.

совершил тягчайший грех, подняв руку на помазанника Божьего. И грех этот так силен, что даже он, «Вселенский патриарх», не может простить его перед Богом. Устав ждать, царь перед праздником Воздвижения Креста Господня откровенно дал понять патриарху, что тот ему не угоден. Не став спорить, архиерей 14 сентября 1267 г. добровольно сложил с себя сан²⁰. Вместо Германа Константинопольским патриархом царь поставил Иосифа I, своего бывшего духовника. На этот раз Михаил VIII не ошибся — уже 2 февраля 1268 г., на Сретение, на Литургии, Иосиф вместе с другими епископами принял покаяние царя²¹.

Возможно, при иных обстоятельствах ревность Германа III по церковной дисциплине нельзя было не приветствовать. Но лично его эта история характеризует не с лучшей стороны: ведь он прекрасно знал, с какой целью царь сделал его предстоятелем Константинопольской церкви.

Разумеется, встречались и иные примеры. Тот же Афанасий I во время своего второго патриаршества стал самоотверженным печальником за бедных и обиженных перед василевсом. Помимо личных встреч между патриархом и императором организовалась широкая переписка, и из анализа писем Афанасия I видно, что множество его посланий посвящено просьбам о снисхождении к пленным и милости к провинившимся подданным. В это время в Константинополе вследствие неурожайного года цены на хлеб и продовольствие резко выросли. Чтобы спасти голодных, Афанасий I закупил хлеб и организовал бесплатное питание граждан. Он же нелицеприятно обличал спекулянтов из числа столичной аристократии, желавших сделать деньги на чужом горе; и не безуспешно. Под угрозой анафематствования спекулянты были вынуждены сбавить цены на хлеб²².

Именно по инициативе Афанасия I царь издал в 1306 г. закон, которым категорично запретил работать в воскресные и праздничные дни, а питейные учреждения обязал закрыть для посещений. Не были обойдены вниманием царя и патриарха монахи: «Монахини и монахи не должны жить в городе беспорядочно, но сообразно с законами и канонами. Если же кто-нибудь из них впадет в беззаконие и прегрешение и не думает о покаянии, таких против воли надлежит сажать в затвор на воду и хлеб»²³.

Не менее величественную картину являл собой патриарх Иосиф II – внебрачный сын Болгарского царя *Иоанна Шишмана* (1371-1395) и гречанки. Именно ему пришлось пройти через горнило Ферраро-Флорентийского собора 1438-1439 гг. Обладая подлинным государственным умом, он сделал все для обеспечения унии с Римской церковью. Не уступив

²⁰ Там же. Книга 4, главы 17, 18, 21. С.186, 191, 192.

²¹ *Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 4, глава 25. С. 195, 196.

²² *Соколов И.И.* Печалование патриархов перед василевсами в Византии X – XV вв. СПб., 2003. С.58, 59.

²³ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С.197.

при этом ни йоту тех прерогатив, которыми обладал предстоятель Константинопольской кафедры²⁴.

Замечательным государственным зарекомендовал себя Михаил IV Авториан, венчавший на царство Феодора I Ласкариса и обещавший полное отпущение грехов всем византийским воинам, павшим в боях с врагами родины. Хотя данная инициатива не была поддержана остальными иерархами Восточной церкви как не соответствующая канонам, она достаточно красноречиво раскрывает образ мыслей этого патриарха.

Слабые натуры на патриаршем престоле попеременно соседствовали с сильными характерами, которым подвластно почти все (если не все) в государстве. И если патриархи Герман II и Григорий III Маммас обычно солидаризировались с царями в выборе стратегических решений, то это «обвинение» никак нельзя обратить в сторону Арсения Авториана, Исаии и некоторых других персон. И «византийский папизм», внешние проявления которого в публичной сфере и ранее бывали очень чувствительны, в осень Византии порой расцветал пышными цветами архиерейского высокомерия.

За неполные 200 лет прежде существовавшая процедура интронизации патриарха претерпела значительные изменения. До 1204 г. она происходила в Магнаврском дворце, где царь, обращаясь к новому патриарху, провозглашал: «Божественная благодать и наше величество, Ею установленное, возводит святейшего (имя) на Константинопольский патриарший престол». После 1261 г. интронизация происходила уже в триклинии Влахернского дворца и сопровождалась словами василевса: «Святая Троица, силой, которую Она нам дала, возводит тебя (имя) на престол епископа Константинополя, Нового Рима, и Вселенского патриарха». Наконец, к началу XV века интронизация переместилась из дворца в храм Святой Софии. Там, *в присутствии императора*, государственный сановник произносил: «Наш великий и суверенный государь и Священный Синод призывают твое святейшество на первенствующий Константинопольский патриарший престол»²⁵. Разницу и нюансы легко уловить даже невооруженным взглядом.

Формально полномочия «Вселенского» архиерея мало изменились по сравнению с прежними временами. Как и раньше, в силу канонов II, IV, Трулльского Вселенских Соборов, а также правил Собора «В храме Святой Софии», Константинопольская кафедра признавалась первенствующей на Востоке. Однако к описываемому нами времени начали закрепляться традиции прямого вмешательства столичного патриарха в дела иных Поместных Церквей. В частности, поставление Константинопольским патриархом архиереев на вдовствующие престолы в Александрии и Антиохии давно уже стало устойчивым правовым обычаем. Равно как и

²⁴*Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438-1439). СПб., 2010. Часть IV, глава 32. С.104.

²⁵*Рансимен Стивен*. Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С.42, 43.

утверждение ставропигий на чужих канонических территориях, что давало ему новые дополнительные источники доходов.

Патриарх Иоанн XII Гликос утверждал устав монастыря в далекой Месопотамии (территория Антиохийского патриархата), нисколько не смущаясь нарушением территориальной юрисдикции. Обосновывая свое решение, он писал: «Все дела Церквей или, что то же самое, христиан по необходимости постоянно простираются и обращаются к первой и величайшей Божьей Церкви».

Византия нередко вела тяжелейшие войны с сербами и болгарами, не желавшими признавать ее политической гегемонии. Однако в церковном управлении довлел авторитет «Вселенского архиерея», и Константинопольские патриархи устанавливали автокефальный статус Сербской церкви в 1219 г. (Мануил I Харитопул Сарантин) и Болгарской церкви в 1235 г. (Герман II). А в период с 1346 по 1375 гг. активно столичные архиереи отстаивали идею зависимости Сербской церкви от «Вселенского престола», отказывая сербскому архиерею в статусе патриарха²⁶.

Патриарх Антоний IV писал Московскому князю *Василию Темному* (1425-1433): «Я – защитник божественных законов и канонов, это мой долг перед всеми христианами. Я – католический учитель всех христиан. Патриарх занимает место Христа и восседает на Его владычном престоле: ты презрел не человека, но Самого Христа, так же как почитающий патриарха Самого Христа почитает».

В «Алфавитной синтагме» канониста Матфея Властаря (XIV век) содержатся не менее любопытные слова: «Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, делами и словами, в себе самом живописующий истину. Престол Константинополя, украшенный царскою властью, провозглашен первым соборными определениями; им последуя, божественные законы повелевают возникающие в других престолах сомнения представлять на его расследование и суд. Забота и попечение обо всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквях, а также суд и предание суду и освобождение от суда принадлежит местному патриарху; а Константинопольскому председателю позволительно не только посылать ставропигии в епархиях и других престолов, но и наблюдать и исправлять бывающие и в других престолах сомнения и полагать конец судам; равным образом, сам он и один только поставлен посредником и судьей покаяния и обращения от грехов и ересей»²⁷.

А патриарх Исаия писал Армянскому католикосу: «От нас священные благочестия догматы распространяются по всей Вселенной, от нас учения

²⁶Троицкий С.В. О церковной автокефалии//Троицкий С.В. Единство Церкви. М., 2016. С.376.

²⁷Властарь Матфей, иеромонах. Алфавитная синтагма. Глава 8. Буква "Пи". М., 2006. С.339, 340.

божественных Отцов и святых Соборов, богодухновенные законы от нас, словно из некоего источника, истекли в полноту церковную»²⁸.

Евфимий II без каких-либо сомнений назначал лиц на *все* церковные должности по собственной инициативе, что вскоре привело к его конфликту с императором св. Мануилом II и последующему низложению.

И раньше патриархи порой диктовали императорам условия, на которых те могут получить их духовное благословение. Достаточно вспомнить начало императорства *Иоанна I Цимисхия* (969-976) в патриаршество *Полиевкта* (956-970). Но все же в те времена трения между двумя властями происходила по поводу вмешательства василевса (иногда, действительно, тягостного для клира) в дела священноначалия. Сейчас же баталии перенеслись на другую почву. Иногда возникало ощущение, что на Константинопольском престоле восседает тень могущественнейшего патриарха *Михаила Керулария* (1043-1058), для которого преград его воле не существовало.

Так, Афанасий I в сентябре 1303 г. обязал царя подписать обещание не только охранять независимость и свободу Церкви, но и *рабски* повиноваться ей, подчиняясь каждому ее требованию²⁹. Подразумевая, конечно же, под «Церковью» себя – первый (и верный) признак папизма.

Если верить очевидцам тех событий, именно Иоанн XIV Калека, возложивший на Алексея Апокавка высшие государственные полномочия и поддержавший того против Кантакузена, фактически развязал Гражданскую войну, окончательно убившую Византию³⁰.

Участие патриархов в решении политических проблем отечества не может не приветствоваться, поскольку в прежние века эта практика нередко оказывалось спасительной для Империи. Достаточно вспомнить, например, сколь многим обязана Византия Константинопольскому патриарху *Сергию* (610-638) во время Римо-персидской войны при императоре *Ираклии Великом* (610-640). Однако в описываемое время эта деятельность осуществлялась не во имя Римского государства и даже не Церкви как таковой, а в интересах исключительно священноначалия.

Неудивительно поэтому, что вторжение клира в сферу политики начало носить избирательный характер, основываясь на новой идее *параллелизма* государственных и церковных интересов. Причем, нередко священноначалие произвольно определяло перечень вопросов, по которым патриарх имел последнее слово, и круг проблем, совершенно безынтересных для него. Так, в частности, вопросы безопасности государства уже не всем архиереям и далеко не всегда казались относящимися к Церкви. Дошло до того, что на одном из совещаний Михаила VIII с патриархом и епископами, где обсуждался вопрос заключения с Римом Лионской унии, Иосиф I откровенно

²⁸Асмус Валентин, протоиерей. О Константинопольской кафедре//Вестник русского христианского движения. №195. 2009. С.96-98.

²⁹Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С.412, 413.

³⁰Григора Никифор. История ромеев. Т.2. Книга 12, глава 10. С.31.

высказался в том духе, будто его дело – молиться, а защита Римского государства - исключительно забота царя³¹.

Государственная казна последних веков Византии представляла собой жалкое зрелище. Константинопольская церковь тоже лишилась многих источников доходов, но все же чувствовала себя гораздо увереннее³². Но мы напрасно будем искать массовых примеров пожертвования церковных ценностей на благо и нужды государства, как это зачастую бывало ранее. И красочной иллюстрацией того, как относился клир к неизбежной войне с турками, служит тот факт, что весной 1453 г. Византия смогла выставить для обороны Константинополя не более 5 тысяч воинов, нуждавшихся буквально во всем. В это время вокруг Константинополя располагались многочисленные монастыри, но ни один из них не повторил будущего подвига Троице-Сергиевой Лавры или Смоленска.

Случались и откровенно скандальные истории, когда, наоборот, патриархи вторгались в вопросы, которые имели к ним отдаленное отношение. Так, после возвращения из похода против болгар царь Михаил VIII отправился в храм Святой Софии, чтобы вознести благодарственные молитвы Богу, но на пороге был встречен Арсением Авторианом, сделавшим ему строгий выговор. Патриарх напомнил императору, что уже неоднократно *запрещал ему (!)* вести войны с христианами. Палеолог, не желая скандала, смиренно воспринял слова патриарха, заметив лишь, что этой войной он приобрел желанный мир. Но архиерей не принял объяснений³³.

Как говорят, получив однажды отказ со стороны Андроника II по одному из своих ходатайств, Исаия раздраженно писал ему: «Ты приказываешь мне заниматься только делами Церкви, а себе предоставляешь по своей воле править государством. Но это то же самое, как если бы тело говорило душе: «Я не нуждаюсь в твоём содействии при отправлении функций; я свое дело делаю, как хочу, а ты делай свое, как умешь»³⁴.

Отличился и уже упоминавшийся Иоанн Созопольский. В то время Сербия являлась опасным врагом, с которым необходимо было удержать мир любой ценой. В течение 7 лет византийцы теряли одну область за другой и терпели поражение за поражением³⁵. Нужны были быстрые и действенные меры, и в 1299 г. император Андроник II дал согласие на брак Сербского короля *св. Стефана II Уроша* (1282-1321) со своей 5-летней дочерью от второго брака Симонидой. При том непременно условии, что до

³¹*Пахимер Георгий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга 5, глава 18. С.243,244.

³²*Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С.266-269.

³³*Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 3, глава 26. С.154.

³⁴*Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 93.

³⁵*Нуждин О.И.* Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия// Византийский временник. №57. 1997. С.96.

совершеннолетия невеста будет проживать в Константинополе с родителями. Однако патриарх категорически отказался дать согласие на этот брак по причине его возрастного мезальянса. Как будто такие браки являлись чем-то необычным для венценосных лиц³⁶.

Император узнал о позиции патриарха, как говорится, «по факту», когда подготовка к свадебным торжествам была в самом разгаре. Поскольку Сербская церковь зависела от Константинопольской кафедры, отказ столичного патриарха признать брак каноничным фактически означал разрыв мирного договора с Сербским королем, а это грозило Византии продолжением войны без каких-либо шансов на успех.

1 февраля 1300 г. василевс спешно отправился в обитель к патриарху, который встретил императора в окружении епископов и монахов. Император обстоятельно и терпеливо объяснял, что замужество дочери обусловлено *политическими* мотивами и не противоречит православным канонам и обычаям. В конце концов, доводы Андроника II показали убедительными всем присутствующим, и Иоанн нехотя принял их. Попутно василевс аккуратно напомнил столичному архиерею, что между сферами государственного и церковного управления существует очевидное различие. Намек был слишком прозрачен, чтобы не понять его: патриарх беззастенчиво вторгся в область политики, за которую перед Богом и народом отвечает царь³⁷.

По-прежнему патриарх играл важнейшую роль в легитимации того или иного кандидата на царство. И иногда даже претендовал на большее, чем того требовали реальные обстоятельства места и времени. Когда император Андроник III скончался и со всей очевидностью встал вопрос о преемнике престола при 9-летнем наследнике Иоанне V и царице Анне Савойской, свои претензии озвучил патриарх Иоанн XIV Калека. Нисколько не смущаясь, он предложил собственную кандидатуру в качестве наместника, управляющего государственными делами. Такую позицию Калека обосновывал давним письмом покойного василевса, написанным им при иных обстоятельствах, где тот, отправляя в поход, просил архиерея позаботиться о детях и супруге в случае гибели на поле боя. Размахивая этим документом, патриарх заявил, что как душа соединена с телом, так и Церковь - с государством, «ведь оба имеют один состав и одну жизнь». «Так что я, - продолжал Калека, - вместе с императрицей возьму на себя бремя государственных дел; я же позабочусь и о безопасности юного императора»³⁸.

³⁶Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 6, глава 9. С.157.

³⁷Соколов И.И. Печалование патриархов перед василевсами в Византии X – XV вв.// Соколов И.И. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной академии. Печалование патриархов перед василевсами в Византии X – XV вв. Патриарший суд над убийцами в Византии X – XV вв. О поводах к разводу в Византии IX – XV вв. СПб., 2005. С.56, 57.

³⁸Григора Никифор. История ромеев. Т.2. Книга 12, глава 2. С.9, 10.

Нет никаких сомнений в том, что столичный архиерей добивался регентства не из идиллических соображений. Честолюбивый Иоанн Калека уже носил пурпурные туфли – знак императорского достоинства, подписывал послания пурпурными чернилами и носил тиару, украшенную шелком и золотом – также прерогативы василевса. Разумеется, в случае победы Калеки Анне Савойской отводилась *номинальная* роль. А все нити власти должны были сосредоточиться в руках самого патриарха.

Венчав Михаила VIII на царство, как соправителя юного Ласкариса, Арсений Авториан тут же оговорился в присутствии синклита и народа, что Палеолог обладает царской властью только *на время*, до совершеннолетия Иоанна IV – чрезвычайно важное уточнение³⁹.

Нет сомнения, что именно поддержка патриархом Исаем Андроника III в значительной степени предопределила его победу в противоборстве с дедом – императором Андроником II. Отказав «старому» царю в требовании не поминать внука на Литургии, патриарх тем самым подтвердил права молодого василевса на царство⁴⁰.

И во внешних сношениях патриархи все чаще чувствовали себя самостоятельными лицами. В ходе подготовки уникальных переговоров патриарший двор начал вести самостоятельную переписку с понтификом⁴¹. Иосиф II подписал свое поручение византийским послам в Базель, и это случилось почти на месяц раньше императора. В 1435 г. вновь патриаршее послание папе Евгению IV появилось на свет за полмесяца до почти идентичного ему императорского письма. В этом случае текст, созданный в канцелярии патриарха, был затем воспринят императором. Правда, с 1436 г. патриаршие и императорские послания на Запад начали совпадать по тексту и по дате.

III. Цари

Нельзя сказать, что все без исключения императоры поздней Византии являли собой эпические образы – встречались и слабые, и откровенно несчастные фигуры. Михаил IX, сын и соправитель Андроника II, рано ушедший из жизни, человек огромного личного мужества и аристократ духа, *фатально* терпел военные поражения, как только ему приходилось командовать армией. Самому Андронику II пришлось пережить унижение бессилия, беспомощно глядя, как банда каталонских наемников терроризирует страну и создает собственное государство в Афинах и

³⁹ Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 4, глава 1. С.78.

⁴⁰ Там же. Т.1. Книга 9, глава 3. С.286, 287.

⁴¹ Ломизе Е.М. Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438-1439)//Византийский временник. 1994. №80.

Фивах⁴². Не более его был удачлив Иоанн V, все детство которого пришлось на лихолетье Гражданской войны, а остальные годы на борьбу за трон со многими претендентами, включая собственных детей. Более того, с ним связаны две беспрецедентные по своему трагизму истории.

В 1365 г. Болгарский царь Иоанн Шишман пригласил императора к себе для переговоров. Но по прибытии василевса арестовал его и бросил в темницу, как пленника⁴³. Благодаря помощи своего двоюродного брата графа *Амадея Савойского* (1343-1383) Иоанн V в скором времени смог освободиться. Но впереди его ждали еще более тяжелые испытания.

В октябре 1369 г., находясь в Риме, царь получил послание Венецианского дожа *Андреа Контарини* (1368-1382), напомнившего ему о драгоценных камнях царской диадемы, заложенных императрицей Анной Савойской в 1343 г. за 30 тыс. дукатов. И когда царь, возвращаясь в Константинополь, в начале мая 1370 г. прибыл в Венецию, от него потребовали вернуть кредит. Не получив удовлетворения, венецианцы без долгих слов арестовали Римского царя, как обычного должника. В силу безвыходности ситуации император согласился уступить остров Тендос в качестве погашения долга.

Но тут возмутился царевич Андроник Палеолог, оставленный в Константинополе для управления государством. Человек честолюбивый и легкомысленный, он думал уже о самостоятельном царствовании, пренебрегая судьбой отца. Только благодаря помощи младшего сына, св. Мануила, правителя Фессалоники, приславшего в Венецию деньги и корабли для перевозки царя, василевс получил возможность возвратиться домой⁴⁴.

Конечно же, не все поступки самодержцев Византии заслуживают одобрения с моральной точки зрения – и венценосные особы подвержены греху в силу человеческой природы. Можно вполне обоснованно высказать претензии в адрес Андроника II, о котором говорили, что «природа предназначала ему быть профессором богословия, а случай сделал Византийским императором»⁴⁵. Презрев все традиции, он трусливо зарывшего труп отца, Михаила VIII, без каких-либо погребальных церемоний. Мотив его прост - человек нерешительный, он опасался недовольства со стороны столичных зилотов, поскольку с ними у покойного императора долгие годы не прекращалось открытое противостояние из-за Лионской унии⁴⁶.

Среди самодержцев Византии встречались и характерные натуры, не боящиеся пролить кровь, если государству и династии угрожала опасность. К таковым смело можно отнести Феодора I и Феодора II Ласкарисов, Михаила

⁴² *Грегоровиус Фердинанд*. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009. С. 412, 413.

⁴³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т.5. СПб., 2002. С.484, 485.

⁴⁴ *Норвич Джон*. История Византии. М., 2009. С. 500.

⁴⁵ *Левченко М.В.* История Византии. М.—Л., 1940. С. 241.

⁴⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. Книга 5, глава 7. С. 125, 126.

VIII Палеолога, Андроника III. Но при оценке их поступков необходимо учитывать контекст исторической эпохи. Никейская империя с великим трудом становилась на ноги, и далеко не всегда аристократические семьи являлись помощниками царей, пытаясь, копируя Запад, навязать им феодальные порядки. Не обходилось и без незваных соискателей на царский трон, поскольку семейство Ласкарисов не всем казалось самым достойным из византийской политической элиты. При угрозе свержения династии сантименты, как правило, неуместны. Объяснимы гонения и во время попыток заключить религиозный мир с латинянами. Во имя Лионской унии, в которой он единственно видел спасение Империи, Михаил VIII Палеолог решительно шел на жертвы, даже если наказанию подвергались его близкие родственники. Как показала история, *стратегически* Палеолог был абсолютно прав, разрушая своими маневрами одну коалицию против Византии за другой.

Разумеется, эти полицейские меры не нравились лицам высшего света и зилотам, хотя в отличие от них основная масса константинопольцев, обычно легких на волнения, не проявляла негодования. И это вполне понятно: безвластие, утрата суверенитета, переход в рабское состояние при латинянах всем казалось несравнимо большим несчастьем, чем любые пороки и ошибки государей. «Весь вред царского абсолютизма бледнел в глазах греков перед страшным впечатлением громадного несчастья, обрушившегося на древнее Византийское царство после кровавых апрельских дней 1204 г.»⁴⁷.

Следует подчеркнуть, что указанные выше лица не являлись патологическими садистами, тиранами и деспотами. Непримиимые к врагам, Феодор I и Феодор II Ласкарисы, св. Иоанн Дука Ватац, Михаил VIII Палеолог были вместе с тем необычайно щедры к людям, верно служившим им⁴⁸. Вообще следует сказать, что среди последних царей Империи мы не найдем лиц, родственных по духу и образу мыслей *Фоке Солдату* (602-610), *Андронику I Комнину* (1183-1185) или *Алексею V Мурузфлу* (1204), на чьих руках кровь порфирородных и царственных особ. Да, Михаил VIII Палеолог устранил от власти юного Иоанна IV, ослепив того. Но *не умертвил*, что нередко случалось в сходных ситуациях ранее. Более того, малолетний царь, принесенный в жертву во благо государства, до конца своих дней жил в подобающей его статусу обстановке, простив своего обидчика.

В отличие от государей прежних веков, последние императоры Византии считали своим долгом лично водить войска в походы. Феодор I и Феодор II Ласкарисы, св. Иоанн III Ватац, Михаил VIII Палеолог, Андроник III, Иоанн VI Кантакузен, св. Константин XI по праву слыли прекрасными военачальниками. А Феодор I помимо всего прочего вышел на личный

⁴⁷Герцберг Г.Ф. История Византии. М., 1896. С.361.

⁴⁸Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. Глава 18. С.290.

поединок с Иконийским султаном *Кей-Хосровом I* (1205-1211) и победил того в тяжелом бою⁴⁹.

Результат их подвигов очевиден - за короткое время они не только создали и наполнили жизненной энергией Nikeйскую империю – небольшой остаток Римской державы, но впоследствии довольно длительное время успешно противостояли туркам, болгарам, конкурентам из числа царей Эпирского царства, разрушили Латинскую империю и нейтрализовали угрозу французской (а по сути – новой общеевропейской) экспансии. И это при том, что Византия пребывала в чрезвычайно стесненных условиях. Пожалуй, лишь подвиги Гражданской войны между Кантакузеном и Апокавком не могут быть отнесены к достижениям этой уходящей эпохи.

Случайность это истории, или Божий промысел, но все без исключения последние императоры Византии являлись патриотами и людьми высшей степени жертвенности. Феодор I напишет в одном из писем: «Знайте труды мои и бессонные ночи, переезды из одних мест в другие, неоднократные поездки к соседним жителям и соглашения, потоки пота. Все пришлось вынести мне и совершить не из личной корысти – не настолько я честолюбив, сколько люблю свою родину, - но чтобы выгнать из восточных городов западную проклятую рать, чтобы отразить наступающее латинское войско, которое всегда захватывает ближайшее, как гангрена. С таким намерением и убеждением я странствовал вперед и назад подобно прибою»⁵⁰.

Нет сомнения, что образ царя, описанный Феодором II, являлся живой зарисовкой с него и остальных самодержцев: «Какая существует для нас забава? *Мы во цвете лет состарились душой.* На восходе солнца, проснувшись, мы посвящаем свои заботы солдатам, а когда солнце поднимается – приему послов. Далее мы делаем смотр войскам, в полдень – рассмотрение текущих дел по гражданскому управлению. Когда солнце склонится к закату, я утверждаю представленные приговоры. А когда солнце уйдет за берега океана, мы печемся о делах, касающихся походов и снаряжений. Мы бодрствуем и благодарим Бога, поставившего нас не по заслугам опекать многих»⁵¹.

Идея *общего блага*, блага отечества, была чрезвычайно укоренена в сердцах царственных особ. И речь Андроника III, посягнувшего на власть деда, Андроника II, рождена искренним позывом души, а не честолюбивыми помыслами; или не только ими. «Если бы я видел, - сказал юный царевич, - что Римское царство возрастает, и наши пределы расширяются, то я охотно хранил бы спокойствие. Но когда я вижу, что положение римских дел становится с каждым днем хуже и хуже, и что неприятели только не перед

⁴⁹ Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Книга 1, главы 3, 4. С.39-42.

⁵⁰ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т.5. С.203.

⁵¹ Там же. Т 5. С.267, 268.

самыми воротами столицы хватают и режут несчастных римлян, - что, вы думаете, я чувствую?»⁵².

Ответная речь соперника-деда не менее впечатляет. Андроник II заявил: «Если бы я знал, что, сняв калиптру, устраню опасность для подданных, то, будь я лишен наследства Христова, от всей души предпочел бы спокойствие царской власти»⁵³.

На пороге вечности другой царь Михаил VIII искренне, как перед Богом, говорил: «Я не искал трона, но был вынужден принять его как достойнейший».

Прекрасно осознавая, *чем* завершится осада турками Константинополя, многие византийцы предлагали св. Константину XI покинуть город, тайно отплыв на Запад, в Италию, и там возглавить сопротивление. Но царь решительно отказался, желая разделить со своим народом грядущую катастрофу. И когда турки ворвались на улицы Константинополя, св. Константин XI сбросил с себя знаки царского достоинства и вместе с двумя товарищами устремился на врага. «Город захватывают, а я все еще жив?» — крикнул он. И это были последние слова, которые слышали от него; он пал в последние минуты сражения⁵⁴.

Многие из последних Византийских царей являлись помимо этого еще и прекрасными дипломатами. Именно благодаря усилиям царей из династии Ласкарисов была бескровно преодолена татарская угроза. Ну, а многолетняя дипломатическая баталия Михаила VIII Палеолога с восемью Римскими папами и самыми могущественными дворами европейских держав вообще вошла в учебники дипломатии как хрестоматийный образец⁵⁵.

Возрождение Византийской империи и постоянные войны окончательно расстроили царскую казну. Называя вещи своими именами, следует сказать, что последние императоры некогда величайшего государства мира стали *нищими*. Когда после венчания Иоанна VI Кантакузена во дворце устроили пир, из всех чаш, поданных к столу, не оказалось ни одной золотой или серебряной. Часть посуды была из олова, часть из глины или морских раковин. Императорские диадемы и одежды были украшены *стеклом* (!) вместо бриллиантов, а позолоченная медь заменяла золото⁵⁶. Нелишним будет напомнить, что Кантакузен являлся одним из богатейших аристократов Византии, что же говорить о других?!

Но никогда, ни при каких обстоятельствах ни один царь не пытался использовать свои возможности для поправки расстроенного бюджета императорской семьи. Доказательство этому – исторические факты, которые

⁵²Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 9, глава 2. С.283-285.

⁵³Там же. Т.1. Книга 9, глава 3. С.286, 287.

⁵⁴Критовул Михаил. Историческое сочинение// Византийские историки о падении Константинополя в 1453 г. СПб., 2006. Глава 72. С.75.

⁵⁵Катанский А. История попыток к соединению церковью Греческой и Латинской в первые четыре века по их разделении. СПб., 1868. С. 171-173.

⁵⁶Дилль Ш. Византийские портреты. М., 1994. С.391.

красноречивее любых слов. Св. Константин XI не имел средств, чтобы прибыть в столицу и принять власть положенным способом. А потому, презрев стыд, был вынужден просить у каталонцев судно для поездки. Безвозмездно, разумеется⁵⁷. О злключениях Иоанна V с кредиторами уже говорилось выше.

Не удивительно поэтому, что, несмотря на все более обнаруживающуюся слабость власти, императоры «византийской осени» сохраняли неизменным свой высочайший статус и авторитет в глазах сограждан и вовне. Задолго до освобождения Константинополя, в 1219 г., Венецианский подеста, будущий дож *Джакомо Тьеполо* (1229-1249) заключил с Феодором I Ласкарисом торговый договор, в котором Никейский царь именовался «Римским императором»⁵⁸. Такие факты многого стоят.

А вот красноречивое письмо, написанное монахами Афона Михаилу VIII: «Державнейший, боговенчанный, боговозвеличенный святой наш владыка. Бог, украсив тебя императорской властью, прежде всего увенчал тебя светлым, как день, богосплетенным венцом православной веры. Ибо знает Господь людей своих и "кого предузнал", того и счел справедливым избрать. И его Бог превознес на великую высоту славы и владычества и показал царем на земле, царствующего по высшей воле благоубедительно, то есть всеблагочестиво и боголюбнейше. Послушай, царь святой, ибо ты радуешься, слыша, и судишь судами прямыми и справедливыми, руководствуясь божественными установлениями»⁵⁹.

Когда однажды Иосиф I, уже оставивший по старости престол, написал Михаилу VIII послание, в котором упустил в титулатуре императора слово «святой», это вызвало бурную негативную реакцию. «Не считает ли меня Иосиф недостойным святости?», - вопрошал василевс. Не только царь, но и архиереи обратились к экс-патриарху за разъяснениями, и тот долго объяснялся, что произошла ошибка переписчика-монаха. В качестве доказательства он демонстрировал черновик письма к императору, где присутствовала вся титулатура без изъятия.

Даже ненавидевший св. Мануила II султан *Баязед I* (1389-1402) как-то сказал о нем: «Всякий, кто не знает, что он царь, сказал бы по одному виду, что он царь»⁶⁰. Султан был не одинок в своем восхищении святым царем – многолетняя поездка св. Мануила II по странам Западной Европы наглядно показала, что по-прежнему означал для христианского мира император Византии. Когда 3 июня 1400 г. император въехал на Шарантонский мост, его встречал Французский король *Карл VI* (1380-1422) со свитой, канцлер, президенты обеих палат Парижского парламента в сопровождении 500 депутатов, три кардинала и 2 тыс. конных парижан⁶¹.

⁵⁷ *Кроули Рожер*. Константинополь. Последняя осада 1453 г. М., 2008. С.73.

⁵⁸ *Норвич Джон*. История Венецианской республики. М., 2009. С.203.

⁵⁹ *Каллист Влатос*. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. С.79, 80, 84.

⁶⁰ *Васильев А.А.* Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261-1453). Л., 1925. С.55.

⁶¹ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С.398, 399.

Не меньших оваций удостоился и император Иоанн VIII, посетивший Венецию в ходе проведения Ферраро-Флорентийского собора. В воскресенье, 9 февраля 1438 г., к нему на корабль прибыл дож в парадных одеждах на судне, украшенном золотом. За ним следовало 12 судов, отделанных чуть скромнее, а затем – триера, предназначенная для Римского царя. Все моряки были одеты в специально пошитые костюмы с гермами Республики, а рыцари в великолепных доспехах держали штандарты с гербами Палеологов. Трубили трубы, и толпы зевак заполнили собой все побережье. Дожд приближился к императорской триере, взошел и поклонился василевсу. А когда Иоанн VIII передвигался по городу, гром труб и радостные крики тысяч венецианцев приветствовали его на всем пути следования.

Хотя Константинопольский патриарх являл все более мощную и почти самодостаточную фигуру в Восточной церкви, это не означало, что культ императора – дефензора Церкви и главы церковного управления девальвировался. И древние обязанности царя по обеспечению благочестия в Церкви и охранению веры с него никто не снимал. Слова Иоанна VIII Палеолога о роли царя в управлении Церковью, имеют, без всякого сомнения, общепризнанный характер: «Я являюсь защитником Церкви. Дело защитника Церкви состоит из двух вещей: первое – хранить и защищать догматы Церкви и предоставлять свободу тем, кто хочет говорить в их пользу, а также высмеивать и удерживать любящих споры и враждебным образом противоречащих. Второе – удерживать и сохранять всех наших в единомыслии, чтобы все были согласны в едином произволении и едином помышлении»⁶².

Еще в XI веке греческий историк давал следующее определение Вселенского Собора: «Соборы называются Вселенскими потому, что на них императорскими повелениями приглашались епископы всей Римской империи»⁶³. Но и в XIV – XV вв. никто не сомневался, что именно император вправе созвать новый Вселенский Собор. Когда это попытался сделать Римский папа, он тут же получил отповедь от Феодора II Ласкариса.

«Обрати внимание вот на что, священнейший человек, - пишет царь понтифику. - Из столь многих бывших Соборов, на которых сходились все архиерейски председательствующие в церквях, ни один Собор не произошел по повелению кого-нибудь из таковых архиереев: ни блаженнейшего папы старейшего Рима, ни патриарха Константинопольского, ни папы Александрийского, ни Иерусалимского, ни иного кого, но все Соборы собирались по царским повелениям. Ибо царь был имеющим власть их созыва, и без царского приказа ничего такого не совершалось. Когда епископы разногласили о догматах, кто кроме самого царя мог бы отличить глаголющих истину? Так что и вновь, если необходимо созвать Собор для

⁶²Каллист Влатос. Марк Эфесский и Флорентийский Собор. Часть VIII, глава 11. С.216, 217.

⁶³Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Рим, Константинополь, Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2005. С.125.

исследования истины, должно быть так, и царскими указами сойтись в том месте, где он прикажет. И царь воссядет посреди, чтобы по старому тому обыкновению рассуживать говорящих»⁶⁴.

Дело заключалось не только в проформе – *чьим актом* будет созван Собор. Не прерывая древней традиции, цари всегда принимали непосредственное участие в догматических диспутах. Чрезвычайно показательны исихастские споры, в которых участвовали и Андроник III, и Анна Савойская, и Иоанн VI. Церковь прекрасно знала, *кому* обязана победой истины над заблуждением, и потому на Константинопольском соборе 1351 г., поставившем окончательную точку, особо поминался император Андроник III, за 10 лет до этого положивший основание будущего успеха. В соборном акте говорится: «Приснопамятному и блаженному царю нашему Андронику Палеологу, собравшему первый Собор против Варлаама, благородно председательствовавшему Церкви Христовой и оному священному Собору, делами и словами и удивительными изустными речами утвердившему Евангельские и Апостольские учения, вышеназванного Варлаама уничтожившему и отвергнувшему в самих ересях, писаниях и пустословии против нашей правой веры, как блаженно переменявшему свою жизнь в сих священных подвигах и о благочестии доблестях и перешедшему к лучшему и блаженному оному упокоению, - вечная память, вечная память, вечная память»⁶⁵.

Содержательное участие в богословских спорах совсем не случайно, поскольку в отличие от многих патриархов императоры поздней Византии слыли людьми учеными, благородными и *благочестивыми*. Не случайно св. Иоанн Дука Ватац, св. Мануил II, мать св. Елена и св. Константин XI были прославлены Церковью. Феодор II был известен письменными трудами: за свой короткий век император оставил большое количество сочинений философского, богословского, политического и риторического характера. Известность получили такие его труды, как трактаты против латинян, обширная работа «Восемь книг христианского богословия» и «Раскрытие космических явлений»⁶⁶. А Иоанн VI Кантакузен, завершив свои политические труды и приняв монашеский постриг, написал великолепную «Историю», дошедшую до наших дней.

Как и прежде, император активно формировал корпус канонического права Восточной церкви, устраняя негативные явления. Причем, не только по инициативе патриарха и его просьбам, но и по собственному наитию. В частности, Андроник II, борясь с симонией, своим законом запретил епископам брать плату за хиротонию. Кроме того, василевс предписал

⁶⁴ *Асмус Валентин, протоиерей*. Церковные полномочия императоров в поздней Византии.

⁶⁵ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С.897.

⁶⁶ *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. 269, 270.

праздновать Успение Пресвятой Богородицы не один только день, но весь месяц⁶⁷.

Даже Константинопольский патриарх нередко становился *бессильной* фигурой, вынужденной обращаться к императору за помощью. Характерно одно из писем Афанасия I к императору: «Снова, как и многократно, - пишет архиерей, - я призываю: услышь мой голос ради самого Христа, всеобщего Бога, сделавшего тебя императором. Очисти Церковь от скверны. Если бы ты обличал порочность раскольников не только словами, если бы твоя от Бога царственность поднялась и вместе с Христом и с помощью Христа навела надлежащий порядок, это было бы великое благо. Если же нет, горе мне и ничего больше».

Правда, как известно, в течение многих столетий церковно-административные полномочия царей почти не регулировались нормами официального закона; главным образом, правовым обычаем. Но в 1380 или 1382 гг. ситуация изменилась. Император Иоанн V потребовал от столичного архиерея Нила сформулировать их письменно и утвердить актом Синода свои церковно-административные полномочия, как Римского императора. В результате за царем было признано право выбора лица на митрополичью кафедру из трех кандидатов, представленных Синодом. Причем патриарх обязался ни в коем случае не включать в списки кандидатов лиц, не лояльных к василевсу. За императором закрепили право фактически *самостоятельно* определять состав Синода, устанавливая, кто из провинциальных архиереев может находиться в столице, а кому – запрещено. Сохранилось также старое право перемещать епископов с кафедры на кафедру, изменять границы епархий. Из нововведений можно указать закрепленное за императором право назначать 15 высших чинов Константинопольской патриархии⁶⁸.

IV. Вместо эпилога

Для «симфонии» мало продекларировать, что без Церкви нет Римской империи, а без Римской империи невозможна и Кафолическая Церковь. Необходимо еще, чтобы в каждую минуту своего существования в основе конкретной деятельности двух видов публичных властей лежала *любовь*, чтобы никто не искал своего, «но каждый пользы другого» (1 Кор.10;24). «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» (Гал. 5:16).

Не тогда играла переливом бриллиантовых граней «симфония», когда *рядом* с царем во главе священноначалия стоял самостоятельный, могущественный и властный патриарх. А когда рядом с василевсом

⁶⁷Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Книга 8, глава 13. С.267.

⁶⁸Асмус Валентин, *протоиерей*. Полномочия императоров в поздней Византии.

находился опытный кормчий и советник, мудрый и терпеливый, способный исправить ошибки монарха и уступить ему в тех случаях, когда того требовали обстоятельства времени и места. Не тогда Церковь была сильна и едина, когда «освобождалась» от царской опеки, а когда пребывала под защитой царской власти, под сенью императорских орлов. Не пикировка с царем, а *соработничества* с ним требует византийская теократия.

Увы, как мы видим по предыдущему повествованию, отношения между священноначалием Восточной церкви и императорской властью в «византийскую сень» претерпели довольно существенные изменения, и едва ли в лучшую сторону. Следует это отнести исключительно на личностные недостатки патриархов, или эти негативные процессы обуславливались другими причинами? Сколько не велика роль личности в истории, едва ли, однако, все могущество одного человека способно сломить устойчивые многовековые традиции и институты. Очевидно, существовала *иная* причина, положенные на которую личностные недостатки отдельных правителей и иерархов дали определенный эффект. И эта причина одна – постепенное умирание Византийского государства. Ведь при сильной власти никакие человеческие факторы не были способны уничтожить апробированные формы и практики. Потому-то так и болезненны были для византийского общества властные замашки отдельных Константинопольских патриархов, что цари нередко смотрятся беспомощно на их фоне...

Сегодня часто говорят, как само собой разумеющееся, будто Церковь, как вечное создание Христа, должна существовать независимо от государства и что она даже испытывает известные неудобства от чрезмерной опеки политической власти. Как следствие, та практика, которая естественным путем образовалась в Византии и основывалась на «симфоническом» единстве обоих союзов, сегодня обычно квалифицируют как «*цезаропанизм*», вкладывая в это слово все возможное пренебрежение. Однако, как свидетельствует история, отдельные негативы, обусловленные несовершенством человеческой природы, законов и политических институтов, меркнут перед теми последствиями, которые возникают при утрате Церковью своего верного стража и защитника – христианской политической власти. Все кризисы, которые сотрясали ее сакральное тело, *всегда* непосредственно связывались с ослаблением государства. *Никогда* Церковь не пребывала в безмятежности, когда государство стагнировало или, того хуже, умирало от внешних врагов.

Убедиться в верности этого тезиса несложно на примерах более ранних веков, в частности, на истории распространения *Filioque*. При всех тяжелейших последствиях, которые сыграла эта вероучительная формула для христианской цивилизации, следует сказать, что в период Вселенских Соборов Кафолической Церкви приходилось решать гораздо более сложные догматические задачи. И при содействии крепкой царской власти неизменно выходить победителем из каждого столкновения с ересью. Однако формула *Filioque*, на которую первоначально восточные отцы даже не обращали внимания, стала позднейшей причиной непримиримого противостояния

Восточной и Латинской церквей уже тогда, когда обе стороны стремились к утраченному единству. Очевидно, что вовремя обсудить этот вопрос и найти верную согласительную формулу помешал распад некогда единой царской власти и образование двух империй – Византийской (Восточно-римской) и Германской (Западно-римской), вследствие чего никакой новый Вселенский Собор уже стал невозможным. А позднее противоречия, наплававшиеся веками, стали непреодолимыми.

Очевидным подтверждением сказанному является и последняя эпоха существования Византии. Казалось бы, все, буквально все требования, предъявляемые к светскому государству, признанному сегодня вершиной «цивилизационного диалога», идеалом, к которому в равной мере стремится и Церковь и общество, присутствовали в описываемые выше столетия. Священноначалие отождествило себя с Церковью и резко потеснило императора в сфере церковного управления. На завоеванных турками территориях его власть над христианским населением вообще отсутствовала. Цари не только не секуляризировали церковное имущество, как это нередко случалось ранее, но, напротив, передавали Церкви все новые и новые земли, попутно узаконивая ставропигии, учрежденные в других патриархатах Константинопольскими архиереями. Тем не менее, как далеко не безосновательно отмечают исследователи, к последним дням жизни Империи Восточная церковь оказывалась все более и более дезорганизованной. Все ощущали веяние новых времен и грядущие перемены, инициатором которых стал уже не православный царь, а *султан*. «Может быть, турецкое завоевание принесло не лучшее разрешение проблемы, но это уже было какое-то разрешение»⁶⁹.

Как только политическая власть перестает охранять Церковь, а царь – быть главой церковного управления, Церковь остается беззащитной, весь внутренний строй ее начинает претерпевать серьезные изменения и она постепенно исчезает из материального мира. Даже если за мгновения до смерти, не чувствуя еще ее холодного дыхания за спиной, священноначалие, обретя «свободу» от царской опеки, принимает под свою юрисдикцию вопросы, ранее относящиеся к компетенции императора. Увы, этот краткий миг корпоративного торжества, является лишь прологом к грядущей гибели. Переход к забвению великих патриархий мира (Антиохии, Александрии, Иерусалима, Константинополя) раскрыл эту неизбежность с предельной откровенностью.

⁶⁹*Рансимен Стивен*. Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. С.52.